

Гончаров С. З. Антропологический принцип философии в контексте феноменов универсальности, субъектности и духовности человека / С. З. Гончаров // Научный диалог. — 2015. — № 7 (43). — С. 108—144.

УДК 130.31+141.333

Антропологический принцип философии в контексте феноменов универсальности, субъектности и духовности человека

© **Гончаров Сергей Захарович (2015)**, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, культурологии и искусствоведения, ФГАОУ ВПО «Российский государственный профессионально-педагогический университет» (Екатеринбург), gsz2004@mail.ru.

Раскрывается значение антропологического принципа в философии. Представлена концепция взаимосвязи универсальности, субъектности и духовности человека, выступающих в качестве основополагающих факторов философской антропологии. Доказано, что основами универсальной сущности человека являются его неорганическое тело; социальная наследственность; выход психики индивидов за пределы рефлекторного кольца и обретение ими свободы воли, самостоятельности, творчества, освоение самопрограммирования; социальность человека и т. д. Обосновывается, что субъектность личности производна от самостоятельности в созидании общеинтересной и полезной новизны, а также от диалектики состязания, соревновательности в отношениях лиц и коллективов. Субъектность представлена как высший уровень субъективности и определяется как такая форма социальной активности, которая характеризует личности и коллективы в аспектах их способности к самоопределению и самоорганизации, самоуправлению и нормотворчеству; их реальных полномочий в реализации общественно значимых потребностей, интересов и целей; их реальной

власти над природными, психическими и социальными силами. Духовность раскрывается как любовь и воля к совершенству, восхождение самосознания ко всеобщим значениям культуры, как единение и целостность главных продуктивно-творческих сил человека. Актуальность исследования обусловлена нерешенностью задачи выявления сущностных определений человека в их взаимосвязи.

Ключевые слова: универсальная сущность человека; субъектность; самодеятельность; соревнование; душа; дух; совершенство; истина; добро; красота; целостность духовного акта; духовный генотип.

1. Введение

В советской философии упрекали Л. Фейербаха в том, что он отбросил из наследия Гегеля диалектику. Сами же представители исторического материализма («истматчики») вынули из философии *антропологический принцип* Л. Фейербаха, «фыркавая» на антропологию как на сентиментальное слюнтяйство буржуазной философии, аргументируя тем, что антропология скрывает классовые противоречия и является оторванной от жизни абстракцией. В результате истмат уподобился «безлюдной философии», в которой борются разного рода анонимные факторы: производительные силы и производственные отношения, социальные институты; количество выплавленной стали рассчитывается «на душу населения». С. Батчиков справедливо отмечает: «Советский истмат видел общество, видел “классы и прослойки”, но не видел самого человека, который оставался для него всего лишь “материальной точкой”, малоинтересным ньютоновским “атомом”, не имеющим за собой ни глубины, ни тайны. Именно эта “закваска” западного механицизма обрекала отечественную социологию на бесплодность и постоянное запаздывание за социальной эволюцией» [Батчиков, 2011]. При этом истматчики ссылались на К. Маркса.

Обратимся к трудам К. Маркса. Критикуя И. Бенгтама за рассудочное применение принципа полезности как внешней меры, Маркс замечает: если мы хотим узнать, что полезно для собаки, то мы сна-

чала должны исследовать собачью природу. «Если мы хотим применить этот принцип к человеку, — продолжает Маркс в первом томе «Капитала», — хотим по принципу полезности оценивать всякие человеческие действия, движения, отношения и т. д., то мы должны знать, какова человеческая природа вообще и как она модифицируется в каждую исторически данную эпоху» [Маркс, 1973а, с. 623]. Поэтому К. Маркс сначала выяснил для себя в «Экономическо-философских рукописях», «какова человеческая природа вообще», прежде чем предлагать свои концепции в экономике и политике. Он исходил из *универсальной природы* общественного человека, его *свободной самодеятельности и его целостности*. Его антропология расширяется (и конкретизируется) в социальную философию, политологию и философию истории, оставаясь всегда *смыслообразующим критерием*.

К. Маркс тщательно изучал историю техники, экономики, политики и т. д. не ради них самих, а для выяснения *перспектив развития продуктивно-творческих сил человека*. Он понимал, что *капитал использует человека не по назначению*. В знаменитом предположении «допустим, мы производили бы как люди» он, конспектируя работу Дж. Милля «Основы политической экономии», описывает отношения, просторные для самодеятельности и роста творческого потенциала индивидов [Маркс, 1974а, с. 35—36]. При таком допущении производство выступает не как производство товаров, а как *креативный антропогенный процесс производства жизни и обновления* креативности субъектов. Изменяется и качество *отношений* между ними: отношения сбрасывают отчужденные формы и предстают в прозрачном виде как *непосредственные общественные отношения*, в рамках которых через формы общения индивиды взаимно *дополняют, обогащают и обновляют свою субъективность*; каждый нуждается не только в вещественных свойствах продуктов, но и (в первую очередь!) в своеобразии личных дарований других индивидов. Способности других становятся дополнительными органами каждого

индивида для усвоения жизни. Так созидаются естественная человеческая связь и *естественная человеческая общность*, укорененная не во внешние опоры (разделение труда, гражданство, социальные статусы и др.), а в *креативную природу каждого как общественного существа*.

Сущность человека — свободная самореализация его творческих сил в актах самодеятельности, в силу чего человек испытывает радость и удовольствие от созидательного самоосуществления и от *признания* своей собственной *социальной* значимости — так можно передать позицию К. Маркса. Он раскрывает, как уродуется *универсальная* природа человека ради производства прибыли, и разрабатывает модель преобразования общества, адекватного сущности человека. Приведем центральное положение *креативной антропологии* Маркса: «На самом же деле, если отбросить ограниченную буржуазную форму, чем же иным является богатство, как не универсальностью потребностей, способностей, средств потребления, производительных сил и т. д. индивидов, созданных универсальным обменом? <... > Чем иным является богатство, как не абсолютным выявлением творческих дарований человека, без каких-либо других предпосылок, кроме предшествующего исторического развития, делающего самоцелью эту целостность развития, то есть развития всех человеческих сил как таковых, безотносительно к какому бы то ни было *заранее установленному* масштабу. Человек здесь не воспроизводит себя в какой-либо одной только определенности, а производит себя во всей своей целостности, он не стремится оставаться чем-то окончательно установившимся, а находится в абсолютном движении становления» [Маркс, 1968, с. 476]. В буржуазной экономике, продолжает на той же странице К. Маркс, «это полное выявление внутренней сущности человека выступает как полнейшее опустошение», как «полное отчуждение», «как принесение самоцели в жертву некоторой совершенно внешней цели». Суть дела заключается в том, что, присваивая прибавочный продукт, капиталист присваивает *рабочее*

время индивида. «Но время, — подчеркивает Маркс, — фактически является активным бытием человека. Оно не только мера его жизни, оно — пространство его развития. И вместе с вторжением сюда капитала прибавочное рабочее время есть присвоение духовной и физической жизни рабочего» [Там же, с. 517]. Как видим, Маркс неуклонно раскрывает *антропологический* аспект производства и обмена.

Ныне отношение к антропологии меняется к лучшему. «Философская антропология, — писал в своей замечательной книге В. Д. Жукоцкий, — это всегда квинтэссенция философской системы, ее смысловое ядро» [Жукоцкий, 1999, с. 3]. И не только философии, но и идеологии, политической экономии, социологии, психологии и т. д., а также практического воплощения образа должного человека в образовании, культуре, политике, хозяйстве. В последние годы публикуются работы антропологического содержания в областях психологии, педагогики, юриспруденции, экономики.

В публикациях и диссертациях этих лет существуют эклектичные толкования *сущности* человека как «био-социальной» или как «био-социо-культурной» и т. п. [Ларин, 2014, с. 73—84]. Э. В. Ильенков по поводу подобной «био-социальной» эклектики остроумно возразил: такая логика с неизбежностью приведет к «социально-биохимически-электро-физически-микрофизически-квантово-механическому» пониманию сущности человека [Ильенков, 1984, с. 325]. «Что же касается понятия “человек” в подлинном смысле слова, — писал Э. В. Ильенков, — то его “определенность” заключается в отсутствии всякой заранее и навсегда закодированной в нем определенности. В универсальности. <...> Разумеется, будучи в принципе, в “сущности” универсальным, реально-эмпирически любой человек — не универсальное, а определенное (то есть “ограниченное”) существо. Человек есть там, где есть такая индивидуализированная универсальность, “оединиченная всеобщность”. Или “всеобщая индивидуальность”, личность, что одно и то же» [Ильенков, 1968, с. 290].

В определениях биосоциальной и иной эклектики акцентирована не сущность человека, а его различные уровни.

Универсальность общественного человека есть его культурная реальная возможность, которая претворяется в действительность при условии обретения индивидами *субъектности*. Это условие необходимое, но недостаточное. Ведь субъектные качества могут осуществляться не только в творении добра, но и зла. Поэтому важен вопрос о *духовности* субъектов.

Известный пессимизм относительно человека и его перспектив порожден, вне сомнения, капиталистической формой производства, в рамках которой человек используется *не по назначению*.

Между тем основные антропологические концепции (натуралистические, социологические, идеалистические, богословские), несмотря на их различия, *толкуют сущность человека как нечто универсальное, то есть обладающее бесконечными возможностями саморазвития*. Только основа универсальности понимается по-разному — как неограниченность продуктивных сил *природы*, сфокусированных в человеке (Л. Фейербах) или *общества* (К. Маркс), или *духа* (Гегель), или *божественных энергий* в душе человека (тексты Священных книг) (см.: [Гончаров, 2011, с. 208—273]). Следует отметить, что антропология Карла Маркса (в отличие от иных вариантов философской антропологии) является единственной в том плане, что в ней со всей определенностью и классической ясностью представлена *универсальность* человека, причем в ее реалистической и перспективной форме [Маркс, 1974а, с. 35—36; Маркс, 1968, с. 476].

В методологическом плане мы исходим из *универсальных* возможностей человека как культурно-исторического *неоконечного* существа, из *самопроизводства* человеком идеальных, социальных и материальных форм, из существенного значения *неорганической* надставки над органическим телом человека в виде искусственных органов (техники и социальных институтов) сознательной воли, из основополагающей роли *социальной связи*, которая всегда остается

абсолютной для людей и первичной по отношению ко всем феноменам человеческого бытия, от экономических до религиозных, что бы сами люди о себе ни мнили.

2. Основы универсальности человека как культурно-исторического существа

Раскроем те основы универсальности человека, которые доступны *эмпирической* проверке и приемлемы для *научного* сознания. Первым обратил внимание на неограниченность человека как мыслящего существа философ Б. Спиноза: человек способен мыслить о любых предметах потому, что он может *действовать* самым различным образом с предметами. Классическую реконструкцию идеи Спинозы дал Э. В. Ильенков [Ильенков, 1974, с. 19—54]. К. Маркс уточнил идею Спинозы: человек способен действовать по меркам любого вида потому, что он, в отличие от животных, обладает, помимо своего организма, еще и *телом неорганическим*.

Первая, исходная, основа универсальности — *наличие у человека неорганического тела*. Тело человека включает в свой состав органическое тело и тело *неорганическое*, функционально-предметное. С появлением неорганической *внешней надставки* над органическим телом возникает одновременно и «*внутренняя надставка*» в сфере психики — сознание. Психика обслуживает функционирование органического тела. Сознание появляется как технологически необходимый регулятивный фактор, который *направляет функционирование неорганического* тела. Это тело может функционировать при условии, если оно представлено в сознании *системой значений*. Представим это схематично (рис. 1):

Рис. 1. Структура тела общественного человека

Натурализм в понимании человека как раз упускает *решающее значение* искусственных органов общественной практики, будь то средства труда или социальные организации.

Неорганическое тело образуют *искусственные органы человеческой воли*. К ним относятся техника *материальная* для обработки природы; техника *социальная* для «обработки» людей людьми; техника *интеллектуальная* для обработки идеальной реальности, тех значений, которые функционируют при посредстве сознания, это — методы и технологии духовной деятельности.

Жизнедеятельность животного определена по существу теми *естественными орудиями*, которые как части тела *сращены* с животным и неотделимы от него. *Естественные орудия* (клыки, когти и др.) определяют ареал обитания, способ питания, поведение, иерархию среди других биологических видов. Тем самым эти орудия определяют и *особенности психики* животного.

Сращенность природных орудий с телом явилась непреодолимым барьером в эволюции животных. Эволюция природы сменилась *историей* с появлением у человека неорганического тела.

Человек ставит между собой и природой орудия-посредники, которые *пространственно отделены* от человека. Этим он уже дистанцируется от природы, разрывает естественную чувственную пуповину, слитность с природой. Умножая орудия с помощью орудий, люди обретают колоссальную технологическую мощь по отношению к природе. Орудия становятся дополнительными *неорганическими рецепторами* в предметном анализе свойств природы, увеличивая многократно возможности естественных внешних органов чувств человека. С помощью материальной техники люди *превращают свойства и процессы природы в органы своей сознательной воли*, вовлекают в материальный процесс все новые связи и зависимости, и *в принципе наращиванию технологической мощи человека (человеческого рода) нет предела, если нравственность сохраняет свое верховенство*.

К. Маркс писал в рукописях 1844 года: «Практическая универсальность человека проявляется именно в той универсальности, которая всю природу превращает в его *неорганическое тело*, поскольку она служит, во-первых, непосредственным жизненным средством для человека, а во-вторых, материей, предметом и орудием его жизнедеятельности. <...> Животное формирует материю только согласно мерке и потребности того вида, к которому оно принадлежит, тогда как человек умеет производить по меркам любого вида и всюду он умеет прилагать к предмету соответствующую мерку; в силу этого человек формирует материю также и по законам красоты» [Маркс, 1974в, с. 94].

Вторая основа универсальности — *социальная наследственность*. Биологическая наследственность закодирована в организме. Социальная наследственность транслируется от поколения к поколению посредством *культуры*, символических и знаковых систем. Культура создается всеми предшествующими поколениями и содержит для каждого отдельного человека бесконечно многообразные варианты саморазвития.

Третья основа — *отсутствие врожденных программ именно социального поведения* сообщает человеку способность *овладевать любыми программами* и быть самопрограммируемым субъектом собственного саморазвития.

Четвертая основа — *свобода воли, самостоятельность, творчество*. Психика человека вырвалась из цепи рефлекторного кольца. Между причиной и следствием в действиях человека вклинились размышление, свобода выбора вариантов действия на основе *значений, идеального*. Свобода есть *самопричинность через произвольные, намеренные действия* и дана каждому как самоопределение, как выбор возможностей. Мыслить, любить, волишь, веровать человек может только свободно. Из свободы воли следуют нравственность и право. Право *вменяет* личности свободу, и человека освобождают от ответственности, если он был в невменяемом состоянии, то есть

если его психика была настолько захвачена аффектами, что погасила свободу воли.

Человек не продолжает наличный причинный ряд, а *порождает новые причинные ряды*, не вытекающие непосредственно из предшествующих ситуаций. В отличие от животных он не сращивается со своей жизнедеятельностью и с ее продуктами, а отстраняется от них, делает их предметом размышления и воли, изменяет их. Обновляя способы действия, он тем самым обновляет свои способности. Ибо *способности есть не что иное, как усвоенные способы действия*.

Деятельность по изменению предмета развивается в *самодеятельность*, то есть в *свободную самонаправленную* деятельность, которая устремлена на преобразование самих схем деятельности. Центр тяжести смещается с изменения предмета на «самоизменение» субъекта. Поэтому, подчеркивал К. Маркс в рукописях 1844 года, — «человек есть *самоустремленное* (selbstisch) существо» [Маркс, 1974в, с. 160]. Самоустремленность позволяет каждой сущностной силе — воображению и эстетическому созерцанию, мышлению, воле, вере — не терять себя в предмете и обновлять свое содержание в его *бесконечном эмоциональном и смысловом многообразии*.

Субъект самодеятельности относится к своим личностным предметным воплощениям как основа к обоснованному и выступает как существо *самообоснованное*, как самоустремленная социальность, «он не стремится оставаться чем-то окончательно установившимся, а находится в абсолютном движении становления» [Маркс, 1968, с. 476]. Связка «свобода — самодеятельность — творчество» позволяет человеку быть не застывшим кристаллом, не цельнокаменной натурой, скроенной природой раз и навсегда, а субъектом самоопределения, самообновления, самоосуществления; то есть быть *неоконечным*.

Пятая основа — *общественная природа человека*, интенсивно раскрытая в актах общения, общественных отношений. Именно общение принуждает психику к *обобщению*, к общим, социально

важным значениям, без которых невозможно общение. Сознание (совместное знание) и есть система всеобщих, социально важных значений. Общие, общественные отношения, резко раздвигают горизонт сознания, и человек, будучи *родовым* существом (осознающим себя наследником культуры человеческого рода), осознает и *род* вещей, их *закон и сущность*, а не просто случайные внешние особенности, данные в живом восприятии.

Общение есть *разновидность социального обмена*. Но, в отличие от товарообмена, в общении осуществляется *обмен* содержаниями человеческой *живой субъективности*: происходит *взаимное дополнение, обогащение и обновление* субъектов общения, *осознание родовой природы* человека, развернутой в *бесконечном вариативном многообразии*; понимание того, что *ни одна личность не может исчерпать полноты* всей человеческой субъективности. Такое понимание предохраняет личность от абсолютизации своей позиции по тому или иному вопросу и ориентирует на опыт другой личности как на возможность увидеть мир в иной грани, в новом измерении. «Точно так же чувства и наслаждения других людей, — подчеркивает К. Маркс в рукописях 1844 года, — стали моим *собственным* достоянием [Маркс, 1974в, с. 121].

Так создается *естественная человеческая общность*, укорененная не во внешние опоры (разделение труда, социальные статусы и др.), а в *креативную природу каждого как общественного существа*.

Шестая основа – *разумная сущность человека*. Тело немнящее действует согласно своим материальным свойствам. Мыслящее тело строит свои действия согласно *формам и закономерностям внешних тел, причем любых* (см.: [Ильенков, 1974, с. 38—40]). Оно учитывает логику того *целого*, в составе которого действует. Мыслящее существо идеально перестраивает схемы действия согласно новым обстоятельствам. Благодаря мышлению человек выступает не частной силой природы наряду с другими ее силами, а как субъект,

способный управлять *всеми стихийными силами*. Человек превращает механические, физические, химические, биологические, социальные силы и процессы в органы своей разумной воли, бесконечно увеличивая свою власть.

Седьмая основа — наличие у человека нового рода чувств, которые возникают не от внешнего материального воздействия, а от *переживания значений*. Это – *понимающие* чувства, «чувства-теоретики»; например, радость, уважение, презрение и т. п. Сосредоточием таких чувств (эмоций) является *сердце*, под которым понимается не известная часть тела, а *душевно-духовный орган*, творящий, в отличие от рассудка, синтез не логический, но *эмотивный* (от слова *эмоция*). Так как многообразие значений мыслящего разума бесконечно, то *не окончено* и многообразие эмоций, которые побуждают воображение и мышление выйти за рамки устоявшихся значений и осмыслить действительность в новом измерении.

Универсальность человека поэтапно развертывается в его истории через многие поколения и деяния миллиардов людей. Это величественный процесс в масштабе мироздания. Природа величественна, писал космист Ф. Энгельс в одном из писем. «Я всегда с любовью обращался к ней, но история кажется мне даже более величественной, чем природа. Природе потребовалось миллионы лет для того, чтобы породить существа, одаренные сознанием, а теперь этим сознательным существам требуются тысячелетия, чтобы организовать совместную деятельность сознательно: сознавая не только свои поступки как индивидов, но и свои действия как массы, <...> добиваясь сообща заранее поставленной цели. <...> Наблюдать этот процесс, это все приближающееся осуществления положения, небывалого еще в истории нашей планеты, представляется мне зрелищем достойным созерцания, и я в силу всего своего прошлого не мог бы оторвать от него своего взора» [Энгельс, 1966, с. 55—56].

Вектор исторического саморазвития заключается в *самоосвобождении людей от природной стихии на тернистом пути восхождения*

к большей свободе большего числа людей, к духовному совершенству, к гармонии духа и природы, к осознанию духовного единства человеческого рода.

Практическая универсальность выражается и продолжается субъективно — *во всеобщих по значению продуктивно-творческих силах человека, которые организуют все особенные, профессиональные умения.*

Это *мышление*, способное понимать объективные закономерности любой реальности, вынося субъективное сопровождение за скобки; *продуктивное воображение*, моделирующее формы и образы в их бесконечном разнообразии и смысловом единстве; *духовные чувства*, окультуренные пониманием и *возникающие от переживания значений* в бесконечном многообразии; *воля*, способная переводить знания и ценности в реальные поступки и дела, осуществлять понятия и ценности, давать им практическое воплощение; *бескорыстное эстетическое созерцание*, дарующее способность переживать меры и гармонии в их многообразии; *вера*, устремленная на надындивидуальные, сверхгрупповые абсолютные и совершенные ценности, которые выводят сознание из застенков быта и социального бытия в бесконечную сферу безусловных значений и смыслов и служат основой духовного единства и сплоченности народа; *совесть*, оценивающая помыслы и деяния с позиций надындивидуальных и исходящая из равноценности достоинства каждого человека независимо от пола, социального положения, национальной принадлежности; *любящее сердце*, которое «учит нас увидеть лучшее, избрать его и жить им» (И. А. Ильин) и дарует способность художественно переживать объективно лучшие содержания.

К. Маркс понимал *свободную самодеятельность* человека как атрибут, связывая с универсальностью *перспективу* общества. Установка на производство прибыли (максимум прибыли, минимум совести), на сведение социальной эффективности лишь к *одному стоимостному* показателю мчит человечество в пропасть. Критика Марк-

сом антисоциальности капитализма верна и поныне. Ибо производство капитала уродует целостность человека, его универсальность, используя человека *не по назначению*.

Универсальность человека реализуется при условии обретения субъектности.

3. Субъектность — высший уровень субъективности человека

Субъективность означает многообразный состав сознания и подсознания; контролируемую сознанием активность людей.

Субъектность есть *высший уровень субъективности* в ее внутреннем и внешнем выражении. На этом уровне социальность представлена как рефлексированная в себя, то есть обращенная на себя, самонаправленная, самоустремленная, как знающая саму себя, как «для-себя-бытие», как самопроектируемая и самоконтролируемая, как саму себя усиливающая.

Субъектность есть такая *форма социальной активности, которая характеризует личности и коллективы в аспектах:*

- *их способности к самоопределению и самоорганизации, самоуправлению и нормотворчеству;*
- *их реальных полномочий в реализации общественно значимых потребностей, интересов и целей;*
- *их реальной власти над природными, психическими и социальными силами.*

Если первый аспект фиксирует субъектность в ее *внутреннем, духовном измерении*, то два последующих аспекта — в сфере *социальных отношений и институтов*.

Такое понимание субъектности дает определенные ориентиры для теории образования, для психологии, права, социологии, политологии, управления, позволяет ответить на вопросы о том, какие качества личности следует воспитывать, как распределены полномочия между людьми и т. д.

Генетически исходным в структуре субъектности является *самоопределение как всеобщая форма* реализации продуктивно-творческих сил — мышления, воображения, воли, веры и др. Оно становится реальным тогда, когда превращается в *самоопределение воли — способности человека определять себя к действию согласно ценностям и знаниям*.

Самоопределение — *генетически исходная основа* субъектности, творчества, умения личности развивать свои способности. *Способности есть усвоенные человеком способы деятельности*, которые фиксируются в теле человека нейрофизиологически, и возникает видимость (*фетишизм тела*), что способности возникают *естественно* из органического тела человека так же, как клеверный листок из чернозема, а не из социального тела — совместной деятельности и общения.

Человек может не ограничиваться воспроизводством способов деятельности, он предпочтет их развивать. Творчество — это нормальный, не деформированный внешними обстоятельствами (разделение труда и др.) процесс моделирования человеком схем своих внешних проявлений в актах самодетельности. И талант — это норма в развитии личности, не изуродованная разделением труда в «обрывок» человека.

Затухание творчества, редкость талантов — это точный показатель расщепления целостной человеческой деятельности на частичные функции в условиях *объектного* строения реальной жизни и мировоззрения, когда *субъектные* функции монополизируются социальными институтами и атрофируются на уровне личности. В такой ситуации общество предстает аренной взаимодействия различных *анонимных* Инстанций и Факторов – хозяйственного «механизма», «рычагов» управления, цен и прибыли, различных индексов на бирже, курсов валют. Люди предстают органами реализации потребностей хозяйственного «механизма» и т. д. Человек низводится в таких условиях «до тени своей собственной тени» (Э. В. Ильенков). Хотя

все подобные анонимные Инстанции и Факторы есть органы и объективации деятельности людей. В обществе все, что имеет прочную форму — продукт, разделение труда, предметные воплощения процесса производства и т. д., — является лишь мимолетным моментом общественного производства, «а в качестве его субъектов всегда выступают только индивиды», взятые в их взаимоотношениях. Здесь перед нами, как отмечал К. Маркс в рукописях 1857—1859 гг., их «собственный процесс движения, в котором они обновляют самих себя в такой же мере, в какой они обновляют создаваемый ими мир богатства» [Маркс, 1974б, с. 222].

Самоопределение развивается при определенных условиях в *конкретное основание* субъектности — в способность к *нормотворчеству*. Нормотворчество здесь понимается не юридически, а философски — как умение субъекта порождать *новое правило, норму, принцип действия и утверждать это новое как положительную ценность в культуре*. Для *репродуктивной* (исполнительской) деятельности достаточно умения подводить частный случай под общее правило, то есть *действовать по образцу*; на такую деятельность ориентирована вся *подготовка бакалавров*.

Способность к нормотворчеству — это культурный феномен. Он возникает тогда, когда субъект признает себя (ибо другие признают его таковым) равноправным представителем коллектива, той или иной социальной общности, возвышается до общественного самосознания и сам дает себе мандат на творчество, полномочие на утверждение того или иного варианта действия, будь то область предпринимательства, науки, искусства и др.

Самоуполномочивание — это «душа» и самый важный момент *новаторства*. Оно обязательно возникает тогда, когда субъект проникается общим интересом, рассматривает свой интеллект как равноценную частичку общественного интеллекта, доверяет свой совести и своему разуму как непосредственно-общественным и тем самым осознает себя интуитивно равноправным началом («начальником»)

всего нового и интересного. Поэтому он берет в свои руки без какого-либо психологического дискомфорта функцию нормотворчества, не спрашивая разрешения свыше, у «начальства».

Способность к нормотворчеству уходит своими корнями в атмосферу *товарищества* в коллективе и связана так или иначе с чувством или осознанием *товарищеского равноправия*. Это чувство остается в тени, может быть безотчетным, но именно оно подспудно рождает *личную сопричастность общему делу, ответственность, воодушевление и смелость* в решении проблем. Когда субъект смотрит на проблему глазами коллектива, тогда его духовная сфера наполняется емким общественным содержанием, и он мыслит широко, чуток к перспективным тенденциям в общем деле. Атмосфера товарищества одухотворяет — рождает у каждого порыв внести *свой вклад в общее дело, утвердить себя в сознании других как личность творческую, «со своей песней»*. Товарищеское равноправие в общем деле рождает свою *противоположность — потребность личности в индивидуализации мастерства, и на этой основе — потребность в общественном признании*.

Исторически субъектные качества оформлялись сначала на *на-дындивидуальном* уровне (община, род) в рамках общих, то есть общественных законодательных органов, функции которых со временем закреплялись за узким кругом лиц в процессе *разделения труда*. Нормотворческая функция, отделившись от функции исполнительской, получает конкретное оформление на *институциональном* уровне (государство, церковь, партии) и развивается настолько, что регламентация и громоздкие аппаратные процедуры становятся *оковами*. По мере *демократизации* общества и развития личностного начала нормотворчество становится достоянием все большей части народа, его самостоятельных организаций.

Самодетельность как основа развития субъектности. Творческие способности проявляются в умении разрешать реальные противоречия и тем самым обновлять схемы мышления и поведения,

деятельности и общения. За таким умением скрываются определенные социальные обстоятельства, одним из которых является самодеятельность. Самодеятельность формирует творческие способности потому, что, во-первых, она есть свободная и самонаправленная деятельность, изменяющая *сами схемы деятельности*; во-вторых, она развивает самоопределение лиц и коллективов, необходимое для творческого акта, в-третьих, переводит самоопределение в объективно выраженный процесс; в-четвертых, содействует общению, просторному для самореализации человека как субъекта.

Деятельность направлена на изменение *внешнего предмета* и может быть несвободной, вынужденной *внешними мотивами*, и восприниматься как «мука» и «самоутрата» (К. Маркс). В самодеятельности доминирует направленность субъекта на преобразование самих схем, *способов деятельности*, то есть противоречие между деятельностью, опредмеченной в пространстве, и деятельностью, протекающей во времени.

Изменять же схемы собственной деятельности человек может при условии, если он выносит их во внешний план, ставит их перед собой, опредмечивает. Поскольку предметом самодеятельности являются способы человеческой же деятельности, то субъект *не теряет себя в предмете, не отчуждается от себя в актах самодеятельности*. За внешним отношением к «другому» (предмету) он усматривает внутреннее отношение к самому себе, *к человеческим продуктивно-творческим силам*, которые запечатлены в предмете как отпечатки социальности. «Человек не теряет самого себя в своем предмете лишь в том случае, — подчеркивал К. Маркс в рукописях 1844 года, — если этот предмет становится для него *человеческим* предметом, или опредмеченным человеком. Это возможно лишь тогда, когда этот предмет становится для него *общественным* предметом, сам он становится для себя общественным существом, а общество становится для него сущностью в данном предмете» [Маркс, 1974в, с. 121]. Поэтому «человек есть *самоустремленное* (selbstisch) существо. Его глаз,

его ухо и т. д. самоустремлены; каждая из его сущностных сил обладает в нем свойством *самоустремленности*» [Там же, с. 160]. Ибо во внешнем предмете человек схватывает социальные отпечатки: опредмеченные способности иных людей, «сгустки», «отвердения» застывших схем деятельности.

В самодеятельности субъект устремлен на *обновление* и развитие творческих сил путем *выхождения за границы уже достигнутого*, которые и осознаются им как подлежащие преодолению, а не как «священная грань». Такое выхождение осуществляется путем разрешения *противоречия между репродуктивным и продуктивным*, которое (противоречие) локализовано *в самом субъекте*. Это созидательное противоречие есть «локомотив» творчества, оно импульсирует субъекта к обновлению схем действия, общения и мышления, формирует индивидуальность, неравную себе самой, способную к новым вариантам самореализации в творении *общеинтересной* и полезной *новизны*. В отличие от деятельности по заранее установленному внешнему масштабу самодеятельность альтернативна косности и отчуждению; она — адекватная форма самореализации личности в творческом процессе разрешения противоречий. У диалектики и самодеятельности общий девиз — «выход за пределы исходного пункта» в созидании *общеинтересной новизны*.

В самодеятельности происходит *практическое закрепление способности личности к самоопределению*, как необходимая предпосылка творческого освоения мира человеком.

Диалектика соревнования в межсубъектных отношениях. Присущее самодеятельности выхождение за пределы уже достигнутого интенсивно выражается в отношениях между субъектами — в *со-ревновании*.

Глубинным мотивом, побуждающим личность к свободной самореализации, является потребность утвердить себя в сознании других *достойным* образом. Ведь без признания статуса личности в общественном сознании *нет и статуса*. *Быть социально — значит быть*

признанным! Здесь-то и возникает сущностное *противоречие*: все спонтанно стремятся быть признанными достойным образом, но не все могут быть признанными первыми! Иначе будут *девальвированы* само первенство, сама признанность за достойное. Отсюда и возникает со-ревнование, в котором *сама социальность измеряет саму себя через состязательность индивидов*. Соревнование проходит *через толщу тысячелетий* и составляет *атрибут всякой социальности*.

Абсолютной и имманентной формой, побуждающей людей *человеческим* образом к интенсивной самореализации, напряжению всех способностей, является соревнование по поводу *развития творческих потенций лиц и коллективов*. «Уже самый общественный контакт, — писал К. Маркс в «Капитале», — вызывает соревнование и своеобразное возбуждение жизненной энергии, увеличивающее индивидуальную производительность» [Маркс, 1973а, с. 337].

Соревнование — неистребимый момент общения потому, что люди — существа *общественные*. И *мерой* для оценки одного человека выступает другой. В соревновании люди практически, на деле *сравнивают себя по своим способностям и умениям*. Предметом и мерой оценки здесь выступают *человеческие качества*. Это *имманентная, внутренняя для человека мера*, в отличие от *внешней*, например стоимостной, когда отношения между людьми выступают как отношения между вещами-товарами и соревнование носит отчужденную (и часто враждебную) форму *конкуренции*.

Соревнование есть стремление к *первенству* в делах общественно значимых. Но первенство доступно лишь малому кругу людей. Поэтому соревнование выступает всегда как *борьба за общественное признание* своей *социальной значимости*.

Соревнование *противоречиво*. Оно лучшим образом обнажает ту *диалектику*, которую Гегель изобразил *столь величественно в своих творениях*. В нем (соревновании) каждый идеально полагает себя *равным* с другим по возможностям. Иначе нет смысла вступать в него ввиду заранее известной «победы» или поражения. Ведь пафос *борь-*

бы возникает лишь в состязании *с равным, себе достойным*. Но в то же время и в том же отношении каждый *практически* полагает себя *неравным* с другим, что выражается в стремлении *опередить себе равного*. *Опережая себе равного, субъект тем самым опережает самого себя*, вступает в *состязание с собой*; он актуализирует в себе скрытые ресурсы и реализует скрытые возможности. Так противоречие между соревнующимися превращается в противоречие субъекта с самим с собой, импульсируя к саморазитию.

Соревнование достаточно *гуманно* по форме, чтобы не травмировать *достоинство* личности, но оно достаточно *остро по накалу*, чтобы побудить каждого к *интенсивной самореализации* способностей и умений. Престижным в нем являются важнейшие качества — воображение, новаторство, профессиональное мастерство, поэзия борения.

Соревнование пронизывает все виды общения — профессиональные и непрофессиональные, экономические и политические. Выпускники вуза не ставят, конечно, цели вступать в какое-либо соревнование. Но к нему их побуждают потребители услуг. По такой же причине вузы в России стремятся быть «конкурентоспособными». Отношения между субъектами хозяйствования, политическими партиями пронизаны соревнованием. Наиболее прозрачно логика соревнования, поэзия состязательности представлены в спорте.

Самоизмерение социальности через состязательность субъектов ныне стало настолько осознанной, что во всех областях жизнедеятельности (спорт, образование, политика, экономика и др.) утвердились *рейтинги*.

4. Сущность духовности

В публикациях о духовности нет самого главного — *монизма*, истолкования духовности из *единого основания* (например, см.: [Лившиц, 1997]). Авторы, как правило, приводят высказывания классиков философии и сопровождают их своими комментариями. Неудовлетворительность состоит в потере теории.

То, что духовности присущи *всеобщие* значения, а не замыкание горизонта сознания на значениях частных и единичных («здесь» и «теперь»), Гегель убедительно раскрыл в своей работе «Феноменология духа».

Как же возникают всеобщие значения? *Общие, то есть общественные отношения принуждают мышление к всеобщим схемам работы. Всеобщность значений сознания есть выражение общечеловеческой сущности человека. Диапазон общения и общественных отношений определяет и степень универсальности мышления, всеобщности сознания.* Уместно напомнить суждения К. Маркса из рукописей 1861—1863 гг. и 1844 г. о том, что «общественные отношения между людьми возможны лишь в той мере, в какой люди мыслят и обладают этой способностью абстрагироваться от чувственных деталей и случайностей» [Маркс, 1973б, с. 249] и что «мое *всеобщее сознание* есть лишь *теоретическая форма* того, живой формой чего является *реальная коллективность, общественная сущность*» [Маркс, 1974в, с. 118].

Духовная стадия человеческой субъективности постигается ясно путем ее сравнения с душевной стадией.

Особенности душевной стадии психики. Они заключаются в том, что человек живет по преимуществу *внешним, чувственным* опытом, непосредственно переживает его и сливается с ним. Явления этого опыта изменчивы и единичны («это», «здесь» и «теперь»). Поэтому сознание тоже *неустойчиво* и затрудняется фиксировать значения в их *всеобщей форме*, сосредоточиваться на них, свободно оперировать и направлять ими свой внешний и внутренний опыт. Оно находится в плену внешнего сенсорного поля и эмоциональных переживаний, *индивидуальных предпочтений*; оно не выходит за пределы относительного (что хорошо для данного лица или данной группы людей) к абсолютному (что хорошо само по себе, безусловно). Душе еще не присуще «для-себя-бытие», то есть *ценностно-рационально-волевая самость* как тот автономный центр апперцепции (*Я*), из кото-

рого исходят законодательные функции разума и повеления разумной воли на основе всеобщих значений. Чувства и эмоции размывают автономию разума и воли, чем объясняется шаткость и несамостоятельность души.

Человек на душевной стадии избирает ценности, как правило, не потому, что они объективно хороши по своему качеству, а потому, что они *хороши относительно него или его окружения*. Субъективное чувство — здесь критерий. Душе присущи ценности *частные и относительные, ценностный релятивизм и субъективизм*.

Относительные ценности молодые люди часто возводят в абсолютные и творят кумиры, которые быстро развенчиваются жизнью потому, что *качество таких ценностей не соответствует их статусу абсолютных*. В юных душах возникают *разочарование и уныние, нигилизм и цинизм*, разнуздывается инстинкт вне идеала. Так молодые люди вступают на путаную тропу, ведущую к душевному нездоровью, социальному риску, девиантному поведению и преступному деянию. Глубинной причиной душевных болезней несоматического характера является в юном возрасте размытость *ценностного* самосознания. Обучение *технике жизни* (методам и технологиям) не выводит само по себе из мира относительных ценностей.

Душевная стадия связана не только с молодостью, но и с тем, что индивид еще не выступает субъектом весьма обширных по диапазону *общественных отношений*. А не является он таким субъектом из-за своего *социального статуса*: индивид находится на попечении у старших, он, во-первых, по преимуществу *потребляет*, а не *производит*, во-вторых, он еще не включен как самостоятельная личность в большое *общее дело* и поэтому не владеет *объективной мерой* оценки себя и других лиц. Такой мерой как раз и является *общее дело*, взвешивающее социальный вклад, «социальный вес» каждого и приучающее мышление восходить от частных значений ко всеобщим значениям и смыслам.

Особенности духовной стадии психики. Душа преобразуется в дух тогда, когда человек начинает жить по существу не только

внешним, чувственным опытом, но и внутренним, сверхчувственным, *смысловым, рефлексивным*; погружаясь в сферу чистых значений (идеальных предметов), он освобождается от *диктата* внешних чувств и эмоций, обретает *самосознание*, которое устремлено на *само себя* и становится рефлексивной и самостоятельной; вначале робко, а затем смелее человек начинает оперировать значениями в их безобразном виде; усиливаются апперцепция, автономия разума и воли. Выходя за пределы «здесь» и «теперь», личность научается самостоятельно оперировать *всеобщими* значениями и обретает *надындивидуальные* ценности — нравственные и эстетические, религиозные и правовые. Переживая такие значения и ценности, человек модифицирует свою чувственность: возникают новая психическая модальность — *мыслящие духовные чувства*, возникающие *не от внешнего воздействия, а от переживания значений*. Сосредоточением таких чувств является «сердце» как духовный орган.

На духовной стадии человек избирает те или иные ценности потому, что они хороши не только относительно него, но и сами по себе: являются *истинными, добрыми и прекрасными и поэтому совершенными, достойными всеобщего признания*.

Дух есть *любовь к совершенному, объективно лучшему содержанию; воля к тому, чтобы избрать совершенное, преобразить себя согласно ему, чтобы объединяться с другими людьми на основе совершенного и жить им*. «Быть духом — значит определять себя любовью к объективно лучшему. Воля к Совершенству, — писал И. А. Ильин в «Аксиомах религиозного опыта, — есть основная сила духа и основное побуждение всякой истинной религиозности» [Ильин, 1993а, с. 56]. Совершенное есть такое содержание, которое гармонично соединяет в себе истинное, доброе и прекрасное.

Как однородный солнечный луч преломляется в многообразии цветов, так и чувство совершенства выражается в спектре положительных качеств — любви и добра, совести и достоинства, верности и служения, мастерства и художества, справедливости и солидарно-

сти, окрыленной веры как иммунной системы души от деструктивной социальности.

Творчество производно от совершенства. Вдохновение движет творчеством. Но *вдохновение* есть *благоговение и восторг от переживания совершенных содержаний*.

Совершенное есть качественное содержание духа, а дух есть та форма, в которой совершенное существует адекватно, как знающее себя, как «для-себя-бытие». Меры вещей существуют в сфере духа идеально, без материи, они свободны от телесных деформаций и представлены в превосходном роде. *Дух есть сознающее себя совершенство, он в самом себе содержит критерии достойного, которые для него самоочевидны.*

Совершенное познается себе подобным, совершенным же чувством — любовью. Любовь есть непосредственное переживание совершенного; она направляет личность на *достойный* предмет: мышление к объективной истине, волю к добру, созерцание к красоте, а веру к абсолютному, священному и божественному.

Воля к совершенству захватывает все существо человека, рождает благоговение и живое чувство *ответственности* перед совершенным, благодатно питая все духовные проявления: «и совестную культуру, и художественное творчество, и глубочайшие корни его правосознания, и его национальное самосознание, и его патриотическое чувство, и его государственное строительство» [Ильин, 1993а, с. 58—59]. Любовь к совершенству не есть аффектированная фраза или сентиментальная выдумка, «*но живая реальность и притом величайшая движущая сила человеческого духа и человеческой истории.* Поколение людей, которому это чувство чуждо и непонятно, есть поколение мертвое, слепое и обреченное. Все основатели великих духовных религий — Конфуций, Лао-Цзы, Будда, Зороастр, Моисей — были движимы этим чувством» [Там же, с. 97].

Укореняя свою душу в идеал объективно лучший, человек соединяет инстинкт с идеалом, гасит гордыню, обретает духовное само-

стояние, самоопределение и самоуправление на основе абсолютных ценностей, духовное достоинство, чувство качества и верного ранга, призвание и смысл жизни.

Итак, в *психологическом* плане дух есть целостный акт — единство главных продуктивно-творческих сил: *любящего сердца; мышления, постигающего объективную истину; воли, творящей добро; воображения и созерцания, ориентированных на красоту; веры, устремленной к совершенным и абсолютным ценностям; совести, оценивающей помыслы и деяния с позиций должного совершенства.* Единение этих сил рождает качественно новое состояние — дух, эффект «поющего сердца». Целый дух начинает прозревать за «корой явлений» тот свет совершенства, который по-своему выражают небесная лазурь и лепестки цветка, грациозное движение животного и трели птиц, духовное парение художника в музыке и поэзии, гармония математических соотношений и логика научных понятий, благородный поступок и справедливое право.

В *качественном, аксиологическом* плане, дух есть любовь к совершенному, объективно лучшему содержанию и воля к его реализации. Но дух имеет и *количественную* характеристику, которая выражается в его масштабности, надличностном и всеобщем содержании его значений: дух восходит от субъективной стадии (стремление к совершенному) к объективной, в рамках которой человек реально живет *всеобщим* содержанием науки и нравственности, искусства и религии, права и государства.

Сознание прорывает узкий горизонт единичных и частных содержаний и углубляется в их основу: за «моим» и «твоим» оно видит «наше», за многими «я» — «мы», за национально-культурным многообразием — единство человеческого духа, за относительным — абсолютное. Душа предстает как индивидуализированный дух народа, как его лик, и человек становится личностью. *Автономия личности в самоопределении и волевом самоуправлении на основе совершенных содержаний есть фундамент совести и правосознания, продуктивного творчества и душевного здоровья.*

Архитектонику духа можно представить обобщенно так: любовь постигает совершенство *эмоционально-целостно*, направляя мышление к *истине*, волю к *добру*, а созерцание к *красоте*; вера же укореняет человека в совершенные, объективно лучшие содержания *духовно-целостно* (рис. 2):

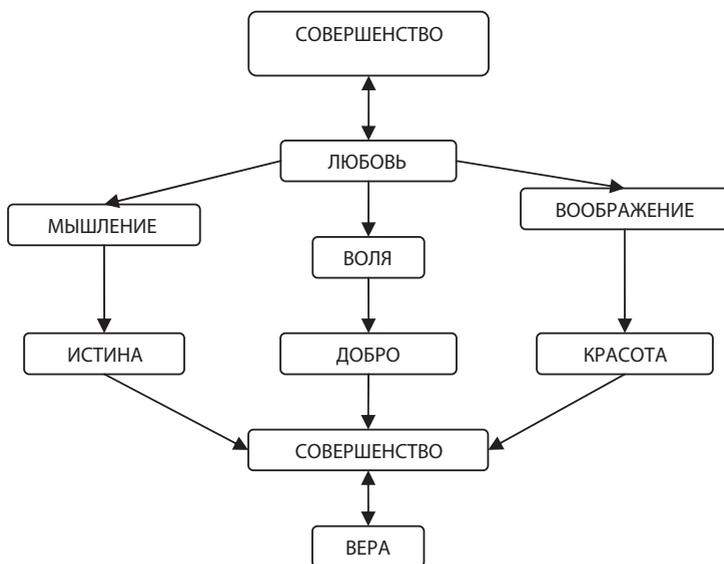

Рис. 2. Архитектоника духа

Совершенство — источник духа, культуры и воспитания.

Совершенное содержание жаждут по-своему ученые и художники, философы и праведники, миллиарды духовно зрячих людей. Обрести совершенное — этому посвящены самые важные евангельские Заветы: «Будьте совершенны, как совершенен Отец ваш Небесный» и «любите друг друга». Совершенное вдохновляло Платона и Плотина, Пушкина и Тютчева, И. А. Ильина и Н. О. Лосского. Свет совершенства струится из творений классиков культуры и благородных поступков; он благодатно питал русскую классическую музыку и живопись, литературу и поэзию, философию и православие.

Совершенное содержание увлекает души людей потому, что оно есть «лоно творческого вдохновения, опора истинной науки, чистой совести, характера, месторождение окрыленного гениального искусства, фундамент правосознания и патриотизма, гарантия дисциплины и храбрости» [Ильин, 1993а, с. 66].

Культура, отмечал И. А. Ильин в «Основах христианской культуры», начинается там, где «духовное содержание ищет себе верную и совершенную форму» [Ильин, 1993б, с. 291]. Воспитание развивает умения организовывать опыт объективно лучшим содержанием.

Совершенная реальность предстает в субъективной форме как дух и объективируется в мир культуры. Культура — только *положительная* социальность, как мера развития человека, его духовного возрастания, как мир образцов, эталонов человеческой субъективности и субъектности. Отождествлять культуру со всей надприродной реальностью (рукотворной второй природой, социальностью, социальными технологиями, с формами хранения и передачи социального опыта и т. п.) значит умножать термины без надобности и запутывать существо дела, впадать в ценностную слепоту. Такое отождествление ничего не дает ни для теории культуры, ни для воспитания, а по существу оно ведет к толкованию культуры как *ценностно-нейтральной реальности*, открытой антикультуре. Такую *ценностно-нейтральную* трактовку культуры отстаивает В. Л. Бенин, понимая под культурой «накопленный опыт социальной жизнедеятельности человека» [Бенин, 2014, с. 120]. И оперный театр, и публичный дом — все это В. Л. Бенин относит по ведомству культуры.

Термин *культура* во времена Цицерона означал возделывание, улучшение земли. В значении *улучшения* данный термин был перенесен и на человека и вошел в лексикон всех народов. Когда речь ведется о культуре общения, культуре воспитания и т. д., то каждый понимает, что подразумевается в подобных случаях не деградация общения, воспитания, человека и т. п., а именно аспект лучшего

качества. Впрочем, некоторые культурологи толкуют культуру для узкого круга, вопреки ее реальному значению в реальной жизни людей. Духовность, как субстанция культуры, верно выражена в толковании культуры как «идеалотворчества» [Пивоваров, 2006, с. 241].

Дух как идеальный ген социальности. Духовное единение людей предполагает наличие общих ценностей. Как в экономическом обмене необходимы единые выразители стоимости товаров (деньги), так и в общении и общественных отношениях необходимы единые выразители человеческой субъективности (ценности), с которыми люди себя *идентифицируют* как члены той или иной общности. Такие корневые ценности *согласуют души людей в самом главном*. Без согласия в душах не будет согласия во внешних делах. *На основе корневых ценностей происходит первичный социальный акт — взаимное признание, понимание и доверие; из этого акта следуют духовное единение и солидарность, верность и служение.*

Добровольно принятые общие ценности есть основа *гражданского мира, социального согласия, устойчивости государства и хозяйства*. Корневые ценности направляют через социальные институты весь *нормативный социальный контроль и планирование общей жизни*, очерчивая границы *дозволенного*. Такие ценности, образно выражаясь, так же направляют чувства, волю и мышление, как звезды на небе направляют путь мореплавателя.

Без единых ценностей *меркнет правосознание, крошится государство, высыхают глубинные родники совместного творчества и национального единения*. Всерьез и надолго люди объединяются не внешними скрепами (экономикой, правопорядком, территорией), но духовными узами. «Самое глубокое единение людей, — писал И. А. Ильин в «Основах христианской культуры», — возникает из их духовной однородности, из сходного душевно-духовного уклада, из сходной любви к единому и общему, из единой судьбы, связующей людей в жизни и смерти, из одинакового созерцания, из единого

языка, из однородной веры и из совместной молитвы. Именно таково национальное единение людей» [Ильин, 1993б, с. 323].

Отмеченные И. А. Ильиным существенные моменты составляют *духовный генотип* нации. *Разложение духовного генотипа так же обезображивает жизнь народа, как деструкция генной информации уродует живую клетку и организм.* Духовный генотип существует не вне нас, где-то в библиотеках и музеях; он — в наших душах, как в огнищах, пламенеющих ценностями; он — общее пламя, согревающее нас нравственно и эстетически, национально и религиозно.

Если социальные «инновации» внедряются без учета духовного генотипа народа, то они отторгаются как нечто инородное из-за несовместимости противоположных программ поведения — идущих от генотипа и от «инноваций». Возникает *деструкция в той или иной сфере общества.* Когда же сам духовный генотип, как целое, преобразуется не путем его органического развития, а насильной заменой чуждой ментальностью, тогда возникает *всеобщая деструкция в масштабе всего общества* — начинается религиозное, культурное, политическое и социальное противостояние, грозящее гражданской войной. Бьет час народной трагедии.

Итак, духу присущи *целостность сил души, совершенство содержания и всеобщность значений.* Возвышение сознания до всеобщих значений — необходимая предпосылка патриотизма и национального самосознания, нравственности и правосознания, науки, искусства, государственного понимания общего дела, *универсалий* культуры. Вне духовного уровня индивид *сомнителен как гражданин и субъект профессиональной деятельности,* ибо его сознание не возвышается до *всеобщих* значений и интересов коллектива, государства, страны в целом.

Две основные задачи в воспитании духовности. Воспитание духовности есть по существу развитие *ценностного* сознания. Иерархию ценностей можно представить в виде треугольника, в основании которого находятся ценности *единичные и относительные,* в средин-

ном сечении — ценности *частные, групповые*, а на вершине — ценности *всеобщие и абсолютные*. Чем ближе к вершине, тем меньше произвола в выборе ценностей и тем выше степень их совершенства и всеобщности.

Воспитание ценностного сознания предполагает решение двух основных задач. **Первая** из них — дать личности «лестницу» для восхождения на «вершину», вознести сознание от ценностей *единичных ко всеобщим*, погрузить его в совершенное содержание и *вызвать эмоциональное переживание совершенства путем использования эмоционально-побудительной наглядности, будь то метафоры, сравнения, емкие художественные образы и символы, деяния великих людей*. Путь к «вершине» *индуктивный и описательный*; на нем понимание закрепляется духовными чувствами. Надо перекалить внешнепредметную чувственность до утонченных, предельно легких фракций и растворить их в *однородном* чувстве *совершенства*, вознести юную душу в «солнечные пространства» прекрасных значений. **Вторая задача** — помочь личности спуститься с «вершины» к «основанию»; но так, чтобы сознание удерживало «вершину» при усвоении частных ценностей. Этот обратный путь *от всеобщего к особенному и единичному* является *теоретическим и дедуктивным*. В его рамках раскрываются ценностные основы культуры народа, бытия человека, семьи, коллектива, Родины, правосознания и государства, труда и собственности, профессии, индивидуальный опыт обретения ценностей. В решении этих двух задач сознание личности восходит от *чувственно многообразного* к *мысленному единству* и к *единству многообразного*; или иначе: от единичного (Е) ко всеобщему (В) и к единству всеобщего и единичного в особенном (О), что можно выразить формулой: Е — В — О.

В сознании возникает «вертикаль» ценностей, позволяющая личности утверждать себя не в пустяках и курьезах, а в делах общественно-значительных. Определяющим, конечно, является то, что находится на «вершине» такой вертикали.

5. Антропологический принцип как ориентир на пути к человекотворческому обществу

Для развития продуктивно-творческих сил человека, для достижения социальной и духовной ступеней свободы адекватной является культура, антропогенное, а не техногенное жизнеустройство (цивилизация), субъектный, а не объектный уклад жизни. Хозяйство, государство, наука, техника есть как бы руки, которыми, по мысли И. А. Ильина в его книге «Основы христианской культуры», человек берет мир. Культура не отсекает эти руки, а духовно направляет их. Она есть явление «внутреннее», органическое» и захватывает «самую глубину человеческой души» [Ильин, 1993б, с. 300]. Методология культуры не отрицает достижений цивилизации, будь то оптимальность в конструировании техники, в рационализации внешней жизни. В бедах технической цивилизации повинны не техника, деньги, право и наука, а *неверная субординация ценностей*, вытекающая из потери духовного единения людей.

В культуре внутреннее, духовное направляет внешнее, материальное: духовный смысл направляет технику жизни, а нравственность — право, жизненность государства основывается на правосознании и добровольной лояльности граждан, хозяйственные вопросы разрешаются путем воспитания людей «к братству и справедливости» [Там же, с. 300—301], качество внешних преобразований определяется внутренним, духовным преображением людей, согласие в душах вносит согласие во *внешние* дела; социальные институты есть не самодовлеющие инстанции, а органы общей воли для развертывания инициативы и самодеятельности граждан, промышленные и социальные технологии есть лишь средства решения национальных общенародных задач, и успешность их решения зависит не от форм собственности (фетишизм собственности), а от *целей управления*, которые вытекают из духа и культуры народа, его традиций и святых; главным общественным богатством является не столько мир вещей, сколько дарования и способности людей, целостный человек,

несущий в себе потенции культуры, личность как субъект самоопределения и творчества; поэтому эффективность производства определяется не вещными, а человеческими показателями (здоровье, образование, свободное время и др.); *культурное воспроизводство людей* определяет собой уровень внешнего обустройства жизни — как вести хозяйство, какие технологии предпочтительны и какие притязания государства целесообразны; базисным является не производство средств производства (группа А), а культурное воспроизводство людей (включая образование и культурный досуг), которое непосредственно определяет дух и культуру, интеллектуальный и профессиональный потенциал народа, а значит и производство средств жизни, ранг в международных отношениях; самоцелью выступает духовное возвышение людей, целостное развитие их творческих сил в актах самодеятельности и совместного *самообновления* предметного мира, деятельности, общения и мышления. Как Земля вращается вокруг Солнца, так и человек вращается вокруг собственной универсальной природы, возникшей в ходе истории. Самоцельность человека и следует неуклонно воплощать не только в теории, но и в главных видах жизнедеятельности людей, см.: [Гончаров и др., 2015, с. 8—62, 169—211]. Только на пути такого *практического гуманизма* Россия обретет второе дыхание, свою историческую идентичность и привлекательность.

6. Выводы

Положения И. Канта о самоцельности человека Л. Фейербах преобразил в антропологический принцип философии с известными издержками натурализма. К. Маркс не отбросил антропологический принцип, а развил его с позиций *конкретного историзма* в теорию *практического гуманизма* и представил его как практическое движение к постбуржуазному обществу — к коммунизму. В современных условиях данный вектор движения можно представить как ориентир на пути к *креативному*, то есть *человекотворческому* обществу.

Такой ориентир будет, вне сомнения, поддержан «корневой Россией» (В. Распутин), тружениками России.

Ныне благодатной является разработка практической реализации тенденций, ведущих поэтапно к таким формам общения и общественных отношений, которые просторны для осуществления универсальной сущности человека, его субъектности в деятельности, общении и мышлении, духовного возрастания на ниве культуры, в первую очередь в рамках всей системы образования (от детского сада, до школы и вуза), для реализации продуктивно-творческих сил целостного человека, его самостоятельности и возможностей глубинного общения. Понимание универсальности, субъектности и духовности человека позволяет педагогу более уверенно проектировать и практиковать вариативные формы воспитания и обучения, которые соответствуют универсальным потенциям индивидуальности, ее свободной воле, самоопределению, продуктивному воображению, эстетическому созерцанию, и тем самым *увлечь* студентов, молодых специалистов *новизной*. Синтез духовных ценностей и эффективных технологий культивирует рост творческого потенциала личности.

Литература

1. *Батчиков С.* Племя молодое / С. Батчиков // *Завтра* : газета. — 2011. — № 7 (900).
2. *Бенин В. Л.* Нужна ли педагогике постнеклассическая методология? / В. Л. Бенин // *Образование и наука*. — 2014. — № 7 (116). — С. 115—132.
3. *Гончаров С. З.* Логико-категориальное мышление : монография : в 3 томах / С. З. Гончаров. — Екатеринбург : Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2008—2011. — Т. 3 : Аксиология мышления. — 2011. — 609 с.
4. *Жукоцкий В. Д.* Маркс после Маркса : материалы по истории и философии марксизма в России. — Нижневартовск : Изд-во Приобье, 1999. — 184 с.
5. *Ильенков Э. В.* Диалектическая логика : очерки истории и теории / Э. В. Ильенков. — Москва : Политиздат, 1974. — 284 с.
6. *Ильенков Э. В.* Об идолах и идеалах / Э. В. Ильенков. — Москва : Политиздат, 1968. — 319 с.

7. *Ильенков Э. В.* Что же такое личность? / Э. В. Ильенков // С чего начинается личность. — Москва : Политиздат, 1984. — С. 183—237.
8. *Ильин И. А.* Аксиомы религиозного опыта : в 2 томах / И. А. Ильин. — Москва : Русская книга, 1993а. — Т. 1. — 608 с.
9. *Ильин И. А.* Основы христианской культуры / И. А. Ильин. — В книге : Ильин И. А. Собрание сочинений : в 10 томах. — Москва : Русская книга, 1993б. — Т. 1. — С. 285—330.
10. *Ларин Ю. В.* Образование в поисках смысла сообразности / Ю. В. Ларин // Образование и наука. — 2014. — № 2 (111). — С. 73—84.
11. *Лившиц Р. Л.* Духовность и бездуховность личности : монография / Р. Л. Лившиц. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1997. — 152 с.
12. *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии / К. Маркс. — Москва : Политиздат, 1973а. — Т. 1. Кн. 1 : Процесс производства капитала. — 907 с.
13. *Маркс К.* Конспект книги Дж. Милля «Основы политической экономии» / К. Маркс // Маркс К. Сочинения : [2-е изд.] / К. Маркс, Ф. Энгельс. — Москва : Политиздат, 1974а. — Т. 42. — С. 5—40.
14. *Маркс К.* Экономическая рукопись 1861—1863 годов / К. Маркс // Маркс К. Сочинения : [2-е изд.] / К. Маркс, Ф. Энгельс. — Москва : Политиздат, 1973б. — Т. 47. — 657 с.
15. *Маркс К.* Экономические рукописи 1857—1859 годов / К. Маркс // Маркс К. Сочинения : [2-е изд.] / К. Маркс, Ф. Энгельс. — Москва : Политиздат, 1968. — Т. 46. — Ч. 1. — 553 с.
16. *Маркс К.* Экономические рукописи 1857—1859 годов / К. Маркс // Маркс К. Сочинения : [2-е изд.] / К. Маркс, Ф. Энгельс. — Москва : Политиздат, 1974б. — Т. 46. — Ч. 2. — 612 с.
17. *Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 года / К. Маркс // Маркс К. Сочинения : [2-е изд.] / К. Маркс, Ф. Энгельс. — Москва : Политиздат, 1974в. — Т. 42. — С. 41—174.
18. *Пивоваров Д. В.* Философия религии : учебное пособие / Д. В. Пивоваров. — Москва : Академический проект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2006. — 640 с.
19. *Труд и образование на пути к креативному обществу : коллективная монография / С. З. Гончаров [и др.] ; под ред. С. З. Гончарова.* — Екатеринбург : Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2014. — 445 с.
20. *Энгельс Ф.* Письмо Джорджу Уильяму Ламплу : 11 апреля 1893 г. / Ф. Энгельс // Маркс К. Сочинения : [2-е изд.] / К. Маркс, Ф. Энгельс. — Москва : Политиздат, 1966. — Т. 39. — С. 55—56.

Anthropological Principle of Philosophy within Context of Phenomena of Universality, Subjectness and Spirituality

© **Goncharov Sergey Zakharovich (2015)**, Doctor of Philosophy, professor, Head of Department of Philosophy, Culturology and Arts, Russian State Vocational Pedagogical University (Yekaterinburg), gsz2004@mail.ru.

The significance of the anthropological principle in philosophy is revealed. The concept of interrelation between human universality, subjectness and spirituality, acting as fundamental factors of philosophical anthropology. It is proved that the fundamentals of human universal essence is his inorganic body; social heredity; the output of the psyche of individuals beyond the reflex ring and obtaining the freedom of will, initiative, creativity, development of self-programming; human sociality and so on. It is proved that the subjectness of the individual derives from the initiative in the creation of general interest and useful novelty, as well as the dialectic of competition, competitiveness against individuals and groups. Subjectness is presented as the highest level of subjectivity and is defined as a form of social activity that characterises the individual and groups in terms of their ability to self-determination and self-organisation, self-management and norm-setting; their real powers in the implementation of socially important needs, interests and goals; their real power over natural, mental and social forces. Spirituality is revealed as love and the will to perfection, self-climbing to the universal significance of culture, as the unity and integrity of the main productive and creative powers of man. The relevance of the study is due to the unresolved problem of identifying the essential definitions of man in their interrelation.

Key words: human universal nature; subjectness; initiative; competition; soul; spirit; perfection; truth; goodness; beauty; integrity of spiritual act; spiritual genotype.

References

- Batchikov, S. 2011. *Plemya molodoe. Zavtra: gazeta*, 7 (900). (In Russ.).
- Benin, V. L. 2014. *Nuzhna li pedagogike postneklassicheskaya metodologiya? Obrazovanie i nauka*, 7 (116): 115—132. (In Russ.).
- Engels, F. 1966. *Pis'mo Dzhordzhu Uil'yamu Lamplu: 11 aprelya 1893*. In: Marks, K., Engels, F. *Sochineniya*. Moskva: Politizdat. 39: 55—56. (In Russ.).

- Goncharov, S. Z. 2011. *Logiko-kategorial'noe myshlenie: monografiya*. Ekaterinburg: Izd-vo Ros. gos. prof.-ped. un-ta. T. 3: Aksilogiya myshleniya. (In Russ.).
- Goncharov, S. Z. (ed.). 2014. *Trud i obrazovanie na puti k kreativnomu obshchestvu: kollektivnaya monografiya*. Ekaterinburg: Izd-vo Ros. gos. prof.-ped. un-ta. (In Russ.).
- Ilyenkov, E. V. 1984. Chto zhe takoe lichnost'? *S chego nachinaetsya lichnost'*. Moskva: Politizdat. 183—237. (In Russ.).
- Ilyenkov, E. V. 1974. *Dialekticheskaya logika: ocherki istorii i teorii*. Moskva: Politizdat. (In Russ.).
- Ilyenkov, E. V. 1968. *Ob idolakh i idealakh*. Moskva: Politizdat. (In Russ.).
- Ilyin, I. A. 1993a. *Aksiomy religioznogo opyta*. Moskva: Russkaya kniga. Vol. 1. (In Russ.).
- Ilyin, I. A. 1993b. Osnovy khristianskoy kul'tury. In: Il'in, I. A. *Sobranie sochineniy: v 10 tomakh*. Moskva: Russkaya kniga. 1: 285—330. (In Russ.).
- Larin, Yu. V. 2014. Obrazovanie v poiskakh smysla soobraznosti. *Obrazovanie i nauka, 2 (111): 73—84*. (In Russ.).
- Livshits, R. L. 1997. *Dukhovnost' i bezdukhovnost' lichnosti: monografiya*. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta. (In Russ.).
- Marks, K. 1973. Ekonomicheskaya rukopis' 1861—1863 godov. In: Marks, K., Engels, F. *Sochineniya*. Moskva: Politizdat. 47. (In Russ.).
- Marks, K. 1968. Ekonomicheskie rukopisi 1857—1859 godov. In: Marks, K., Engels, F. *Sochineniya*. Moskva: Politizdat. 46(1). (In Russ.).
- Marks, K. 1974. Ekonomicheskie rukopisi 1857—1859 godov. In: Marks, K., Engels, F. *Sochineniya*. Moskva: Politizdat. 46(2). (In Russ.).
- Marks, K. 1974. Ekonomicheskoye-filosofskie rukopisi 1844 goda. In: Marks, K., Engels, F. *Sochineniya*. Moskva: Politizdat. 42: 41—174. (In Russ.).
- Marks, K. 1973. *Kapital. Kritika politicheskoy ekonomii*. Moskva: Politizdat. 1(1): Protsess proizvodstva kapitala. (In Russ.).
- Marks, K. 1974. Konspekt knigi Dzh. Milliya «Osnovy politicheskoy ekonomii». In: Marks, K., Engels, F. *Sochineniya*. Moskva: Politizdat. 42: 5—40. (In Russ.).
- Pivovarov, D. V. 2006. *Filosofiya religii*. Moskva: Akademicheskii proekt; Ekaterinburg: Delovaya kniga. (In Russ.).
- Zhukotskiy, V. D. 1999. *Marks posle Marksa: materialy po istorii i filosofii marksizma v Rossii*. Nizhnevartovsk: Izd-vo Priob'e. (In Russ.).